

M. Parry. The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry/Ed. Adam Parry. Oxford, 1971.

A. B. Lord. The Singer of Tales. Cambridge, Mass., 1960 (русский перевод: А. Б. Лорд. Сказитель. Пер. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона — готов к печати, но в нынешних издательских условиях будущее его неизвестно).

Незадолго до смерти А. Б. Лорда вышла его книга «Epic Singers and Oral Tradition»//Cornell University Press, 1991, составленная из публиковавшихся ранее статей и выступлений, переработанных и сгруппированных таким образом, что они дают достаточно целостную картину развития устной теории.

Ему же принадлежат обзорные статьи, отражающие состояние устной теории на разных ее этапах: «Perspectives on Recent Work on Oral Literature»//Forum for Modern Language Studies, 10, 1974. № 3. P. 187—210; «Perspectives on Recent Work on Oral Literature»//Duggan J. J. (ed.) Oral Literature: Seven Essays. N. Y., 1975. P. 1—24; «Perspectives on Recent Work on the Oral Traditional Formula»//Oral Tradition. 1, 3. 1986. P. 467—503.

Обзоры работ, выполненных в русле устной теории, содержатся также в вводных статьях Джона Майлза Фоули в кн.: Foley J. M. (ed.) Oral traditional Literature: A Festschrift for Albert Bates Lord. Columbus, Ohio, 1981; Comparative Research on Oral Tradition. Columbus, Ohio, 1987.

Проблемам устной теории и ее применения к исследованию традиций и текстов, а также 200-летию со дня рождения Вука Караджича была посвящена Международная конференция, проходившая 21—23 сентября 1987 г. в Нови Саде (Югославия). Труды конференции опубликованы под редакцией Светозара Петровича в кн.: Oral and Written: Literature in Literature and Culture. Novi Sad, 1988.

С 1986 г. под редакцией Дж. М. Фоули выходит журнал «Oral Tradition», публикующий исследования, посвященные различным аспектам устной теории, взаимодействию устной и письменной традиции, а также результаты полевой работы и обзоры новейшей литературы.

Наиболее полные библиографии работ, так или иначе связанных с теорией Пэрри — Лорда: Haymes E. R. A Bibliography of Studies Relating to Parry's and Lord's Oral Theory. Cambridge, Mass., 1973; Foley J. M. Oral-Formulaic Theory and Research: An Introduction and Annotated Bibliography. New York, 1985.

Кроме того, аннотированная библиография ежегодно печатается в одном из выпусков журнала Oral Tradition.

Ю. А. Клейнер, Г. А. Левинтон,
Б. Н. Путилов

© 1993 г. ЭО, № 1

ХС ЕЖЕГОДНАЯ СЕССИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Сессия проходила 20—24 ноября 1991 г. в Чикаго, в ней участвовали антропологи обоих американских континентов, но существенно преобладали ученые из США. Наиболее активными были, конечно, представители академической науки — профессора, аспиранты и студенты многочисленных американских университетов и колледжей, — однако влиятельную группу составили специалисты в области прикладной антропологии — профессионалы, работающие советниками и экспертами в госдепартаментах, социальные антропологи, консультирующие крупные компании, даже сотрудники независимых антропологических служб. Кроме того, участвовали представители многих национально-культурных или национально-религиозных организаций, получившие специальное образование или же столкнувшиеся с проблемами прикладной антропологии уже в ходе своей профессиональной деятельности. Их взаимоотношения с университетскими коллегами представляли особый интерес, поскольку число социальных антропологов-практиков растет и в нашей стране, так что академической науке вскоре придется с ними считаться.

Среди участников сессии было много гостей, особенно из Европы. Некоторые из них образовывали собственные, так называемые «приглашенные сессии», сформированные целиком или почти только из гостей. Одной из таких сессий была наша — организованная совместно профессором Университета

Джона Хопкинса Катрин Вердери и директором Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишковым и проведенная последним. Участвовали в ней сотрудники института этнологии и антропологии, Гарвардского университета и Университета Питтсбурга. Обсуждали этнонационализм в Советском Союзе и Восточной Европе.

Прежде чем описывать это заседание, хотелось бы дать представление о Чикагской встрече в целом, о ее масштабах, целях, распределении времени, основных событиях. В течение 5 дней происходило более 100 мероприятий ежедневно, естественно, в первый и последний день меньше, зато в остальные — гораздо больше, все это начиналось в 8 утра и заканчивалось около 11 вечера. Примерно 20 событий происходили одновременно, так что успеть всюду было совершенно невозможно.

Преобладали тематические научные чтения с очень строгой регламентацией времени, что позволяло слушателям с помощью программы выбирать наиболее интересные для них доклады и переходить с одного заседания на другое. При этом на каждой секции была и постоянная аудитория, которая могла по окончании всех докладов участвовать в обсуждении. Кроме того были два заранее подготовленных организатора дискуссии, чьи выступления оказывались интереснее всех прочитанных докладов, так как для этой роли избирались либо просто известные ученые, либо признанные специалисты в данной области. Вопросы разрешалось задавать непосредственно после докладов, но только в лаконичной форме. Такая организация оказалась весьма эффективной: несмотря на насыщенность программы, ничего не пришлось отменять и все запланированное успели прочитать, выслушать, обсудить.

Помимо научных заседаний было много так называемых «деловых» встреч. Антропологическая ассоциация имеет сложную организационную структуру и осуществляет разнообразные функции: популяризации, просвещения, издания периодики, поддержки музеев. В связи с этим — многочисленные перевыборы, конкурсы, награждения, презентации, собрания обществ, советов и малых ассоциаций. Для примера назовем Общество визуальной антропологии, Ассоциацию антропологии феминизма, Общество антропологии Европы, Совет по антропологии питания. У всех обычные жизненные проблемы: источники финансирования, рассылка корреспонденции и бюллетеней, общественный спрос и т. д. Важное место занимают проблемы подготовки антропологов: методика преподавания, возможности полевой практики, обмен информацией между учебными заведениями. Устроители сессии пригласили российскую делегацию участвовать в «деловых встречах» тоже, как бы показывая этим: «наши проблемы — ваши проблемы». Но участие как-то не получилось.

Теперь о «гвозде программы». В то время как публика заполняла и освобождала небольшие залы, в кулуарах бушевала толпа свободно общающихся участников (возможности этого общения были также предусмотрены и обеспечены организаторами). Наряду с этим были два события, предназначенные для всех: пленарное заседание вечером на третий день с докладом Эрика Хоубсаума (Новая школа социальных исследований) и книжная выставка, открытая практически в течение всей сессии.

Пленарное заседание посвящалось влиянию национализма и этничности на складывающийся порядок в Европе. Помимо основного докладчика на нем выступили Катрин Вердери и Ричард Фокс (Дьюкский университет). Историк, автор капитального труда о нациях и национализме в XVIII—XX вв., англичанин Эрик Хоубсаум говорил о трансформации национальной истории в националистический миф, о формировании к концу XIX в. понятия этнолингвистической нации, о политизации этничности. Концептуально его лекция не выходила за рамки его же книги, однако он подчеркнул, что не все составляющие национализма в равной мере актуальны в настоящее время, так, происходит ревитализация исторического мифа, но отходит на второй план языковой компонент этничности. Особое значение для развития национализма в последние десятилетия приобрело этническое соревнование на рынке труда и кампании позитивных действий. С докладчиками рассмотрели те же проблемы в их специфике применительно к посткоммунистической Европе. Лекция вызвала исключительный интерес. Организаторам пришлось объединить два балльных зала гостиницы «Мариотт», чтобы вместить всех слушателей.

Вообще проблемы европейского развития и специально Восточной Европы очень занимают американских антропологов, возможно, потому, что многие из них эмигранты или потомки эмигрантов восточноевропейского происхождения, но, безусловно, не только в этой связи. Огромное политическое значение снятия противостояния двух систем и включения их в общемировой процесс развития еще не вполне оценено с точки зрения этнических перспектив. Во всяком случае американцы считают, что самое главное происходит сейчас в Европе, и ждут от европейцев прорыва в теории.

Очень бурно проходило, например, заседание на тему «Цивилизация Восточной Европы: кри-

тические размышления о постреволюционных 90-х». Проводившей его Катрин Вердери пришлось проявить твердость, чтобы сдержать всплеск эмоций по поводу дискриминации женщин в посттоталитарных Польше и Венгрии, где усиливающийся национализм и упрочившая свои позиции католическая церковь оставляют женщине лишь роль служанки в семье и неполноправное положение в нации. Американские феминистки готовы придти на помощь еще не оформившемуся женскому движению Восточной Европы.

Обилие и разнообразие информации не позволит, даже если объединить впечатления всех российских участников, сделать полный обзор сессии. Поэтому имеет смысл выделить наиболее популярные темы, которым были посвящены многие заседания, различавшиеся либо постановкой проблемы, либо обсуждаемым регионом. Такими сквозными темами были: этнонационализм, городская антропология, этнология молодежи, этносоциальные процессы в среде иммигрантов, медицинская и политическая антропология. Подходы к этой проблематике были разнообразны, порою очень обобщенные, порою чрезвычайно оригинальные, они всегда приводили к этим константам американской этнологии.

Например, в первый день проводились заседания по темам: «Политическая экология здоровья», «Медицинский плюрализм и этничность»; на второй день — «Этничность, пол и опыт СПИДа»; «Изучение родства в медицинской антропологии» и т. д. Или же применительно к малым и иммигрантским группам: «Опыт диаспоры», «Социокультурная креолизация»; «От беженцев к этнической группе»... Эта тематика очень часто переплеталась с этноурбанистикой, поскольку для Америки проблемы города — это проблемы малых и иммигрантских групп, а проблемы меньшинств — это проблемы адаптации к городской среде. Такая нерасчлененность порою явственно звучала в самом названии секции, например, «Хасидизм: городское сектантство в перспективе», а порою раскрывалась лишь в тематике докладов. Так, скажем, «Креолизация и формирующаяся городская культура» или же «Ритуализация зрелищ в североамериканском городе». Два последних случая особенно наглядно показывают, что универсальные этнокультурные проблемы рассматриваются американскими коллегами прежде всего как проблемы городской культуры.

Особое место занимают сейчас в американской антропологии проблемы детства и взросления. Кроме собственно посвященных молодежи секций — «Молодежная субкультура: статус и самоидентификация», «Роль детей в процессе обучения», «Питание и половая социализация среди детей и подростков», «Молодежь в исторической и кросс-культурной перспективе» — на молодежную проблематику выходили, зачастую отталкиваясь от иных проблем: трансформации общин, билингвизма, поликультурного образования. Один из очень ярких докладов по этой тематике был сделан Томасом Кушманом (Весли Колледж) на материале исследований, проведенных во время путча в Ленинграде: «Среди антиполитиков: молодежная субкультура и постконвенциональная самоидентификация».

По степени изученности антропологией с детьми могут соперничать только женщины. Ими интересуются как таковыми «Женское восприятие времени» и в связи с иными проблемами: агрессией, душевными болезнями, СПИДом, занятостью иммигрантов, абортами, распределением социальных ролей.

Все вышеописанное не должно, однако, создавать впечатление, что сессия в целом была посвящена лишь какой-то избранной группе тем. Отнюдь нет, диапазон интересов был очень широк: от социальной организации в доисторической Иберии до лидерства и культурных изменений в среде современных аборигенов, от влияния электронных технологий на обучение антропологии до народных целителей и этномедицины в Африке, Азии и Южной Америке. В этой связи хотелось бы обратиться к одному впечатляющему примеру.

Хотя в Америке не проводятся идеологические кампании за социальную полезность науки, стремление к такой полезности стимулирует, естественно, рыночный механизм: государство, как и частные компании, хорошо оплачивают «полезную» антропологию. Поскольку крупные организации играют существенную роль в американском бизнесе и политике, то изучение их антропологическими методами было признано перспективным направлением. Проводились обследования нескольких корпораций и дипкорпуса. Для заседания, посвященного антропологии современных организаций, в чикагском «Мариотте» был выделен бальный зал и группа телерепортеров для проведения пресс-конференции с участниками. Названия докладов были крайне завлекательными: «Уход за священной коровой: антропология решения о 800-миллионных инвестициях», «Корпоративная социальная ответственность: вопросы — есть ли решения?», «Предприниматели и дух равноправия в американской деревне» (!), «Торгующие люди — изменение структуры трудовых ресурсов мира», «Култ божественной Америки: ритуал, символ и мистификация в американской политической культуре». Я,

конечно, попала на удочку по-журнальному броских заголовков и пришла на заседание, с удивлением отметив, что в зале едва ли набирается дюжина слушателей. Доклады были исключительно скучны и беспредметны, а на пресс-конференцию по окончании тащили чуть ли не силой, поскольку проводить ее было не с кем.

Зато в архиепископальной секции «Репрезентация сновидений» яблоку негде было упасть. Народ, затаив дыхание, слушал о торном пути к «коллективному бессознательному», о боговдохновенных снах, семиотическом подходе к сновидению и реконструкции снов маяя. Можно было подумать, что соперничество снам — это основное занятие современных американцев. Но дело, конечно, не в том. Просто добпорядочное стремление принести пользу отечеству и присовокупить солидную сумму к семейному бюджету не вдохновляет, как правило, на подлинное творчество. Прорыв в неизведанное и сопутствующий ему человеческий прогресс осуществляется благодаря бескорыстному, а порой безрассудному, желанию знания как такового. Объяснить потому, что это интересно; описать потому, что это красиво. А может быть, именно здесь истина, призванная спасти человечество? Впрочем, Бог с ней, с истиной, вот вам модель, которая действует! Игрушка, в которой все, как в настоящем социуме! Американцы это ценят. А наши научные деятели на пороге рынка безуспешно стараются объединять прекрасное с полезным.

Книжная выставка в течение 4 дней демонстрировала продукцию различных университетских издательств за последние несколько лет. Почти все издательства выпускают все типы этнологической продукции: от красочных и очень дорогих альбомов до дешевых тематических каталогов и брошюр. Преобладают, однако, научные труды, свои или переводные (этих заметно меньше), в красочных, но мягких (не на века) обложках. При этом у издательств есть некоторая, хотя и не строгая, тематическая специализация. Так, издательство Калифорнийского университета более ориентировано на семиотические исследования, издательство Техасского — на традиционную этнографию аборигенов, Принстонский университет больше печатает о духовной культуре и, в частности, религии во всем мире, а Чикагский — об американских, и специально городских, проблемах. Книжная продукция Гарвардского университета так разнообразна, что определить в ней основное направление очень трудно.

Читатель, уставший от деталей, наверное, уже задается привычным вопросом: «А как там наши?» Я не смогу вполне удовлетворить его любознательность. Мои коллеги выступали в нескольких секциях со смешанным советско-американским составом участников, так что всюду успеть и всех послушать мне не удалось. Но что кажется характерным для этой сессии, это отсутствие противопоставления «нашей» и «их» позиции даже там, где такое противопоставление или хотя бы глубокое различие было заявлено. Так, на заседании «Народы Севера: советский и западный взгляд» не был представлен некий единственный «советский взгляд», хотя панорама воззрений была достаточно широка: выступили антрополог (в прошлом — депутат ВС СССР) Е в д о к и я Г а е р, сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН А л е к с а н д р П и к а, сотрудник московского Института этнологии и антропологии РАН (в настоящее время работающий в Смитсоновском институте) И г о р ь К р у п н и к. Доклады обсуждались не группами по темам или «взглядам», а каждый в отдельности, и в заключительной дискуссии проблемы народов Севера были скорее обобщены, чем противопоставлены с «советской» и «западной» точек зрения.

До некоторой степени сгруппировались «наши проблемы» и «наши подходы» лишь в первой половине заседаний секции «Этнонационализм в Советском Союзе и Восточной Европе», где Г а л и н а К о м а р о в а, В а л е р и й Т и ш к о в и А н а т о л и й Я м с к о в (все — Институт этнологии и антропологии РАН) выступили с докладами соответственно: «Проблема вынужденных мигрантов в СССР», «Возникновение и проявления советского этнонационализма» и «Этнические конфликты по поводу территорий и статуса на Кавказе». Проблемы оказались чрезвычайно близки и интересны американцам, так что аудитория собралась многочисленная. Официальный оппонент Стенли Тамбия (Гарвардский университет) подчеркнул общую значимость рассмотренных явлений, но несколько покритиковал чрезмерную обобщенность подхода и неразработанность методики. Прозвучали также упреки в риторичности и отсутствии контакта с изучаемыми предметами. Но это не было критикой некоего обобщенного «советского подхода», а конкретными претензиями к исследованиям данного института. Вторая часть заседания, посвященная Европе, где были прочитаны доклады К а т р и н В е р д е р и «Этнические конфликты в Румынии после Чаушеску», Н а т а л ь е й Д а р а г а н (Институт этнологии и антропологии РАН) «Изменение положения меньшинств в посткоммунистической Польше» и Р о б е р т о м Х а й д е н о м (Питтсбург) «Конституционный национализм в Югославии», не вызвала серьезной дискуссии.

Чрезвычайно активен в ходе сессии был Виктор Шнирельман (Институт этнологии и антропологии РАН). Его выступления в нескольких секциях и доклад «Кризис и экономическая динамика в традиционных обществах» привлекли к нему устойчивое внимание аудитории.

Наконец, в секции «Исследования анатомически новых явлений» наряду с четырьмя американцами выступили Александр Зубов (Институт этнологии и антропологии РАН) и Александр Козинцев (Музей антропологии и этнографии РАН), что позволило назвать это заседание «советско-американским симпозиумом», но не придало ему характер диалога двух культур. Перехода с одного заседания на другое, я редко встречала коллег по институту, и американцы временами спрашивали, почему в этом году советская делегация не держится вместе. Так что на вопрос: «Как там наши?» напрашивается ответ: «„Наших“ (в значении единого советского научного десанта) там не было».

Н. Я. Дараган